

Трапеза земная, восходящая в небо

«Мы живем в страшную и духовно опасную эпоху. Страшную не только ненавистью, разделением, кровью. Страшна она, прежде всего, усиливающимся восстанием против Бога и Его Царства», - эти пророческие слова принадлежат о. Александру Шмеману (А. Шмеман. «Евхаристия»). Восстал против Бога не антихрист, не тиран, восстал простой человек, который своей посредственностью, обыденностью стал мерой вещей, вытеснив Бога на обочину жизни.

Все – и Запад, и Восток – заняты политикой, психологией, экономикой, гендерными проблемами, идеологиями и многим другим, забыв главное, на чём стоит мир, - христианские ценности. Эти заботы не обошли даже церковь – проблемы женского священства, венчания однополых, возврат церковного имущества, икон, храмов, провозглашаемые ради всеобщего мира, занимают умы христиан.

Но разве Господь принес нам этот мир? Его Царство начинается с выхода из этого мира, грешного и прелюбодейного, с восхождения к Трапезе Господней – вот истинное призвание Церкви в этом мире, этим жила с древности Церковь. Евхаристия – это, прежде всего, таинство собрания: «нас же всех, от единого Хлеба и Чаши причащающихся соедини друг ко другу во единого Духа причастие». Причастие стало делом в высшей степени индивидуалистическим, как и вообще разговор о вере, о Боге. Любимые слова современного человека, считающего себя верующим: «Вера – это моё интимное дело», - или: «У каждого свой путь к Богу». Как-то забывается, что мы «род избранный, царственное священство, народ святой». Избранные – это те, кто ответил на призыв, обращенный ко всем, ответил тем, что сам избрал единственное на потребу, понял и знает, что Евхаристия – не одно из таинств, а главное дело христиан, заповеданное Церкви. Главное дело того, кто осознаёт, что именно в единстве, в собрании нашем в Церкви мы являем Тело Его.

И вот перед нами это событие, явленное в материале: рельеф «Тайная вечеря», созданный скульптором Сергеем Антоновым в 2010 году и находящийся в частной коллекции. Изображено собрание учеников, самых близких. Им первым Он открывает Свою тайну, Своё ближайшее будущее. Поняли ли они хоть что-нибудь? Они сидят, тесно сгрудившись, прижавшись друг к другу, вокруг полукруглого стола, образуя как бы подкову. Ритм их рук, пальцев, прядей волос, складок одежд передаёт их состояние

растерянности, страха, тревоги – то состояние, которое так близко современному человеку, хотя они сидят с Сыном Божиим за одним столом. Они ничего не понимают, услышали только, что среди них есть предатель. Кажется, видишь их жесты, пожатия плечами, недоуменные покачивания головами, которые выражают извечное иудейское сомнение. Только Иуда, трезвый «прагматик», понимает, о чем идет речь и поэтому почти простирается на столе, протянув обе руки к блюду. Его поза являет собой столько противоречивых чувств, что трудно их описать: тут и страх быть узнанным, желание спрятать лицо, тут и присущая ему жадность, но кажется, тут уже есть и раскаяние. Диагональ, созданная его руками, делит стол на две части. Он уже выпал из этой семьи, он пал в прямом и переносном смысле. И только Христос печально спокоен. Он благословляет трапезу и, одновременно, дает согласие на грядущее испытание, на крест.

Палаты и велум, полочка с посудой там, где на престоле располагается мощевик, говорят о том, что все это происходит еще в земной, сионской горнице, что жертва еще не принесена, хотя это событие таинственным образом уже Евхаристия.

Два светильника у подножия стола придают событию особую торжественность. Полуовальная ниша, в которой происходит Вечера, образована двумя палатами и велумом над ними, говорящим, что Трапеза совершается внутри, в интерьере. Эта ниша над головой Спасителя разрывается – Он присутствует в сионской горнице еще во времени, но уже скоро будет вознесен на небо.

Перед нами воплощенное в камне Евхаристическое собрание, т.е. Церковь. Церковь тоже существует и во времени, и вне его, в вечности. Время создано Господом, и к нему тоже относятся слова: «И увидел Бог, что это хорошо». Но хотя в нем отражено и наше падение, именно в нем торжествует смерть, но именно в нем совершается и Воскресение, даровавшее нам бессмертие.

И вот перед нами другая, надмирная Литургия, совершаемая в Новом времени, где апостолы и мы вслед за ними восходим ко Христу. Это символическое событие, которое, казалось бы, не может быть адекватно выражено языком мира сего, чувственным, тем не менее, удалось сделать Ирине Зарон в ее стеновых росписях двух алтарных преград Андреевского монастыря – правом, посвященном Андрею Первозванному, и левом – Андрею Стратилату. Здесь ощущаешь, что Литургия совершается постоянно, вне времени и места. Здесь мы воочию видим, что Церковь не вне нас, а мы ее составляем – мы во Христе, и Он в нас.

«Символ» по-гречески означает «соединяю», и Церковь призвана это назначение осуществить. Сюжет Ирины Зарон – тоже причащение апостолов. Обычно это

изображение помещают в сень над Царскими вратами. У Ирины это две стенных росписи на алтарной преграде боковых приделов. Апостолы восходят ко Христу, как бы притягиваемые к Нему незримой силой. Их пронизывает Дух Святой, то состояние, к которому призваны мы все в церкви. Ясно ощущаешь, что они все разные, с разными характерами, одно тело, одна плоть друг с другом и с Ним. Времени нет, вернее, есть иное, новое время. Это уже та Литургия, которая совершается постоянно, вне времени и вне места, там, на Престоле горней славы.

Апостолы пребывают как бы в молитвенном танце, они парят в пространстве. Ритм их движений так ясен, что кажется, его можно читать.

В левом приделе, посвященном Андрею Стратилату, Христос возвышается под Сенью и как бы парит над ней. Он протягивает руку Петру, и тот, схватив ее обеими руками, прижимается к ней лицом, и, кажется, слышишь слова: «Пётр, любишь ли ты Меня?» И их взаимная любовь изливается почти зримым потоком. Андрей, сдержанный и несколько суровый, следует за Петром, протянув обе руки, как бы готовый подхватить того, если он не выдержит напряжения и упадет. Далее Лука приглашает Варфоломея и Якова, будто спрашивающих: «Где же нам искать глаголы вечной жизни?» И Лука плавным и властным жестом указывает им путь. Замыкает шествие Филипп.

В правом приделе Господь, так же парящий над престолом под Сенью, причащает апостолов Кровью. И, кажется, видишь, как Она переливается в чашу, из которой пьет Павел. Павел не смеет взять чашу даже в прикровенные руки, пьет из рук Спасителя. Лик его – само потрясение. Рука Христа в красно-коричневом хитоне кажется струей крови, вливающейся в Павла и переполняющей его. Следующий за ним Матфей с готовностью протягивает руки, чтобы вслед за Павлом принять чашу. Далее Марк устремляется вперед в резком, нетерпеливом движении. Иоанн, изображенный юным, какими все будут в Царствии Небесном, идет, несколько робко оглядываясь на Симона Зилота, как бы ища у него поддержки. Завершает шествие в этой сцене Фома, весь вид которого и вся поза выражают сомнение в происходящем, но, тем не менее, он идет вместе со всеми. Всех апостолов заливают нетварный свет, ложащийся золотистыми бликами на их лики, руки, складки одежды.

Они кажутся едиными с пространственной средой, они одной с ней природы, они тоже сотканы из света, и только лики их кажутся выплавленными из меди.

Сам Христос уже в Вечности, но на Его лице видны следы страданий, скорби. Он скорбит о них и о всех нас, принимая и, одновременно, благословляя их. Весь колорит фресок золотисто-серебряный. Все апостолы кажутся сгустками света, складки их хитонов колеблемы дуновением «хлада тонка», и мы, предстоящие и молящиеся, наполняемся

«веянием тихого ветра», в котором приходит Дух Святой и который преобразует скучную повседневность в сияющее пространство восьмого дня, дня осуществления Церковью своей полноты, то есть Дня Господня. Этот день не состоит в связи со временем, он не один из дней седмицы.

Вот, как пишет о нем бл. Августин: «День, который был первым, будет и восьмым, чтобы первая жизнь уже не была отнята, но сделана вечной». А Василий Великий говорит так: «День Господень велик и славен. Писание знает этот день без вечера, без другого дня, без конца. Он вне седмичного времени. Седмица состоит в последовательности дней, день восьмой не имеет другого за собой, он – окончательный».

Теперь ученики ясно видят и понимают, кому поклониться они идут, кто Он, отдавший за них жизнь. Над их головами колышимый тем же «тихим ветром» велум выглядит, как протянутый из времени указатель пути.

Обе росписи выполнены легко, прозрачно. Тончайшие оттенки золотистого, палевого, серебристо-серого цвета переливаются, как перламутр. Золотистая гамма росписей удачно связана с деревянным потолком и вырезанным Сергеем Антоновым распятием в правом приделе.

Ничто не мешает, и все изображенное искусством художника на стенах помогает нам, молящимся, понять, что Божественная Литургия, исполненная антиномий, охватывающая в одном моменте и прошлое, и настоящее, и будущее, Литургия, где Христос – и Приносящий, и Приносимый, - есть жертва нашей благодарности Богу за все Его благодеяния.